

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Зайдес Кристины Денисовны

«ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПРЕДИКАТИВНОГО ТИПА

В РУССКОЙ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ»,

представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности 10.02.01 – Русский язык

Рассматриваемое диссертационное исследование посвящено изучению pragматических маркеров предикативного типа (ПМПТ) в русской устной спонтанной речи. Эта работа вписывается в ряд исследований устной речи, проводимых в Санкт-Петербургском университете под руководством Н.В. Богдановой-Бегларян, и выполнена на материале известных корпусов русской устной речи «Один речевой день» (ОРД) и «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). Исследование выполнено на стыке нескольких направлений языкоznания: основной **объект** исследования – устная речь – определяет исследование как принадлежащее области лингвистики речи (коллоквиалистики); анализ семантических, грамматических и pragматических особенностей изучаемых маркеров, их функций в речи, а также процессов грамматикализации и pragматикализации заставляет автора обращаться, соответственно, к семантике, грамматике и pragматике; изучение взаимосвязи социальных характеристик говорящих и частота употребления ими определенных ПМПТ связывает исследование с социолингвистикой, а рассмотрение таких же взаимосвязей с интроверсией/экстраверсией информантов – отчасти даже и с психолингвистикой. Только такое многоаспектное изучение функционирования ПМПТ в устной речи позволяет автору вскрыть особенности этих маркеров. Именно такие исследования в настоящее время являются востребованными лингвистикой и **актуальными** для ее дальнейшего развития.

Выбранный автором диссертации **предмет** исследования – ПМПТ – интересен с нескольких точек зрения.

Во-первых, pragматические маркеры (или pragматемы) генетически связаны с вводными конструкциями в литературном языке. Кристина Денисовна пишет в диссертации, что они возникают в процессе pragматикализации лексических (или более крупных) единиц, такой же точки зрения придерживаются и многие другие ученые, к мнению которых обращается диссертант. Однако на данную проблему можно взглянуть и иначе, вспомнив, что устная речь все же первична по отношению к письменной, а разговорные формы первичны по отношению к литературным. Возможно, что сами

вводные литературные выражения развивались из такого рода прагматических маркеров, необходимых для устной речи и всегда в ней присутствующих. И несомненна генетическая связь между ними, но вероятно, она имеет не векторную направленность – одно из другого, а двустороннюю. Это крайне интересный вопрос для дальнейшего изучения, причем не только прагматических маркеров, но и любых единиц и конструкций, параллельных в разговорных формах речи и литературном языке

Во-вторых, в диссертации показано, что ПМПТ часто выполняют текстовые функции, выступая показателями начала, конца, продолжения определенных текстовых фрагментов, а также указания на смену говорящих при передаче чужой речи. Все это показывает важность такого рода единиц для устной речи и устного текста, а также позволяет вскрыть закономерности организации структуры устного текста.

В-третьих, ПМПТ могут служить индикаторами типа речи, поскольку, как демонстрирует Кристина Денисовна, в диалоге и монологе активны разные типы ПМПТ: в диалоге ПМПТ, выполняющие метакоммуникативные функции и функции ксенопоказателей, а в монологе – рефлексивные и хезитативные. Дальнейшее изучение частотности разных ПМПТ в разных типах устных текстов может вскрыть и другие закономерности, что является крайне интересным с точки зрения как стилистики текста, так и прагматики.

В целом проведенное исследование отличается высокой степенью **новизны** (многие выводы получены впервые и открывают возможности для дальнейшего изучения устного текста), а также **теоретической значимости**.

С теоретической точки зрения и новизны полученных результатов мне кажутся важными еще несколько аспектов работы. Это прежде всего полученные К.Д. Зайдес диахроническая и синхроническая шкалы прагматикализации и описание социального варьирования употребления ПМПТ. Обращение к шкалам при описании процесса прагматикализации наглядно показывает континуальность переходов (независимо от их направлений) от собственно семантических языковых единиц к функциональным, их взаимосвязь и взаимозависимость. Описание социального варьирования ПМПТ позволяет вскрыть закономерности использования языка разными социальными группами и дает (в некоторых случаях) материал для собственно социологических выводов. Так, например, данные об употреблении разных ПМПТ указывают на определенные речевые привычки мужчин и женщин, которые могут служить индикаторами социального неравенства (не обязательно актуального в настоящее время, возможно, передающегося через традиции речевого употребления): мужчины значительно чаще женщин используют маркеры, указывающие на активность говорящего в диалоге (*короче говоря, скажем*), а женщины –

маркеры, указывающие на неуверенность, смягчение позиции говорящего и на апелляцию к слушающему (*не знаю, не думаю, посмотрите, послушайте*). Данные о таких стратегиях построения мужской и женской речи получены на иных показателях для разных языков; полученные в диссертации результаты подкрепляют эти исследования и дают пищу для дальнейшего обдумывания причин и следствий такого положения дел.

Объем материал исследования представляется более чем достаточным: в диссертации рассмотрена речь 80 информантов; проанализировано 1 370 употреблений ПМПТ.

Поставленные в диссертационном исследовании задачи выполнены, цель достигнута, положения, выдвинутые на защиту, доказаны. Достоверность результатов обеспечивается использованным материалом, его объемом, а также теоретическими посылками работы и комплексом методов, адекватными предмету анализа.

Практическая ценность проведенного исследования, на мой взгляд, заключается прежде всего в том, что его результаты могут применяться при разработке алгоритмов автоматического анализа естественной речи. Кроме того, результаты могут быть использованы в практике лексикографического описания устной русской речи.

Работа написана хорошим научным стилем, хорошо оформлена, в ней практически отсутствуют стилистические погрешности и опечатки.

Несмотря на общее положительное впечатление от работы в целом, два момента в ней вызывают замечания.

1. Вызывает возражение (и уже далеко не первый раз при чтении работ данной школы) использование некоторых терминов. Не разводятся термины «речь» (как аспект языковых явлений, противопоставленный «языку» и «речевой деятельности»), «устная речь» (как форма реализации речи, противопоставленная письменной, а иногда и внутренней речи), «разговорная речь» (как социолингвистическая категория – форма существования языка – или стилистическая категория – стиль внутри литературного языка, которые также омонимичны друг другу). Создается впечатление, что автор не видит омонимичности термина «речь» в этих употреблениях или не обращает на нее внимания.

Отсюда возникает и несколько других замечаний. Например, мне кажется лишним рассматривать в диссертации вопросы о разграничении языка и речи как аспектов языковых явлений. Это, во-первых, напрямую никак не связано с темой диссертации, во-вторых, является общим вопросом, который изучается студентами-филологами на первом курсе. Неудачным в этой связи кажется и термин «условно-речевые единицы», используемый автором при определении прагматических маркеров («это функциональные условно-речевые единицы, употребляющиеся говорящими в устной спонтанной речи неосознанно,

под влиянием речевого автоматизма», с. 6). Во-первых, то, что они «функциональные», уже говорит об их языковых характеристиках и автор диссертации показывает четкие языковые функции данных единиц, включая текстоорганизующие, т. е. функции самого высокого порядка; во-вторых, автоматизм единиц никак не влияет на их языковые функции, например, употребление фонетических и многих грамматических единиц «не находится в светлом пункте сознания» (Л.В. Щерба), а совершаются автоматически; в-третьих, в Петербургской школе, вслед за Л.В. Щербой, все-таки признается, что язык и речь лишь аспекты одного явления, имеющие социально-индивидуальный характер, следовательно, в речи могут реализовываться только варианты каких-то языковых единиц. Другое дело, что они не все описаны как языковые единицы. Но рассматриваемая диссертация – это шаг в данном направлении.

2. Еще одно замечание связано со статистическим аппаратом, применяемым в работе, и с оформлением количественных данных. В работе указывается, что «была установлена частотность употребления ПМПТ разных типов в разных формах речи, а также значимые корреляции между употреблением ПМПТ определенных типов и характеристиками говорящего» (с. 114). К определению частотности претензий не возникает, но вот что имел в виду автор под установлением «значимых корреляций» остается неясным, поскольку анализа корреляций в работе нет вообще. Автор прибегает к следующим статистическим процедурам: t-тесту, дисперсионному анализу, критерию Тьюки). При этом при расчете разных показателей автор прибегает к разным процедурам (при сравнении частотностей ПМПТ в диалогах и монологах, а также в речи мужчин и женщин – к t-тесту, а в остальных случаях к дисперсионному анализу). Объяснения относительно выбора тех или иных статистических процедур и их вариантов в работе отсутствуют (что обычно требуется при пояснении применяемых методов), почему в разных случаях применялись разные методы тоже никак не поясняется (хотя результаты при применении разных статистических методов и методик, естественно, могут меняться).

Оформление количественных данных также вызывает вопросы. Они представлены в тексте и в виде круговых диаграмм: таблиц (или хотя бы столбчатых диаграмм) нет ни в самой диссертации, ни в приложениях, что крайне затрудняет сравнение данных и их интерпретацию читателем.

Еще есть ряд вопросов на прояснение ситуации с ПМПТ в речи.

3. Чем отличается ПМПТ *послушайте* в речи информантов и, скажем, в стихотворении В.В. Маяковского «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?». Представляется, что как минимум в части контекстов устной речи употребление идентично, хотя примеры именно на этот маркер в работе не приводятся, но

отмечается, что в этой форме маркер используется. Как трактовать *послушайте* у Маяковского? Так же, как в устной речи, считать его ПМПТ? А если нет, то почему? Только потому, что он употреблен в заведомо литературной речи?

4. В работе показано, что эллипсис играет важную роль в процессах прагматикализации единиц. Сближает ли это с эллиптизованными формулами типа *доброе (утро)*, *приятного (аппетита)*, *иметь (в виду)*, получившими сейчас очень широкое распространение в устной речи (последняя даже в речи ведущих радио и телевидения)? Имеет ли шанс последняя формула стать ПМПТ и при каких условиях? Представляется, что отчасти употребление *имею (в виду)* в некоторых контекстах очень похоже на *знаю*.

Высказанные замечания ни в коей мере не влияют на положительную оценку работы в целом, а вызваны интересом автора отзыва к поставленной проблеме.

В целом диссертация Кристины Денисовны Зайдес «Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи» является самостоятельным законченным научным исследованием и соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Зайдес Кристина Денисовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкоznания

Пермского государственного национального исследовательского университета

Ерофеева Елена Валентиновна

22.01.2020

Подпись: В. Бирюков
Секретарь: Е. Ерофеева